

© 2018 г.

Аркадий Мартынов

доктор экономических наук,
Международный научно-исследовательский
институт социального развития
(e-mail: socpolamv@mail.ru)

К ВОПРОСУ ОБ УНИВЕРСАЛЬНОЙ ТЕОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

На основе критического рассмотрения существующей теории обосновывается универсальная трансформационная парадигма экономического развития. Раскрываются теоретические предпосылки и методологический подход к исследованию экономической трансформации как процесса системного развития.

Ключевые слова: экономическая трансформация, макроэкономическая система, ресурсные сдвиги, институты, технологии.

Без всякого преувеличения, огромен поток научных изысканий, тема которых непосредственно связана с вечной проблемой достижения устойчивого экономического прогресса. Тем не менее она остается далекой до разрешения, по сути дела теоретически тупиковой. Автор предлагает свой подход к преодолению этого теоретического барьера.

Ограниченность существующих теорий экономического развития

Осмысление фундаментальных проблем экономического развития предполагает хотя бы краткую оценку известных научных теорий.

Следуя исторической хронологии, остановимся сначала на теории экономического развития [1]. Быстрое становление в значительном числе бывших колоний развивающихся экономик предопределило прогресс в их изучении. В центре внимания оказались структурные закономерности развития новых национальных экономик. Хорошо известны имена таких выдающихся исследователей, как Поль Розенштейн-Родан, Алекс Хиршман, Роберт Нурксе, Николас Кальдор, Симон Кузнец, Артур Льюис, Холис Ченери и Гуннар Мюрдаль. При этом большинство из них опирались на научно революционную модель «затраты-выпуск» Василия Леонтьева.

Сформировавшаяся теория экономического развития выполнила роль фундамента конкретных страноведческих и сравнительных исследований. Однако она не объяснила коренные причины изменений состояния экономик развивающихся стран и не ответила на вызовы 80–90 гг.

прошедшего столетия, прежде всего, превращение ряда развивающихся стран в новые индустриальные и крах социалистической модели развития советского типа. Кроме того, сами исследователи развивающейся рыночной экономики оказались под жестким прессом неолиберальной идеологии глобализации и всеобщего утверждения модели западного капитализма. В итоге данная теория стала достоянием истории.

Применительно к экономике развитых капиталистических стран наиболее известны модели экономического развития, основанные на неоклассической теории. Наиболее значимая из них по степени научной фундаментальности и референтности принадлежит Роберту Солоу [2,3]. Исходная посылка этой неоклассической модели очевидна. Она заключается в том, что в отсутствии технологического прогресса вследствие убывания предельной производительности капитала рыночная динамика замедляется. И в долгосрочном плане экономический рост обусловлен исключительно технологическими изменениями. Поэтому желателен переход к устойчивой (steady) траектории экономического роста, когда его темп просто эквивалентен темпу технологического прогресса.

Впоследствии неоклассическая модель экономического роста была усовершенствована. Наиболее значимой подвижкой, по-видимому, стало включение в анализ человеческого капитала в дополнение к физическому капиталу. Это позволило отразить взаимосвязь между ростом населения и динамикой сбережений и доходов. Так, хорошей аппроксимацией реально сложившейся экономической динамики по большинству стран мира отличается широко известная эконометрическая модель Грегори Мэнкью, Давида Ромера и Давида Вейла [4], опирающаяся непосредственно на упомянутые работы Солоу.

Впрочем, следуя широко распространенной точке зрения, уместно констатировать исчерпание традиционной универсальной теории экономического роста перед вызовом сегодняшних экономических реалий. Главная претензия к этой теории хорошо известна: она не учитывает сложность взаимодействий процессов, выступающих неотъемлемыми структурными доминантами современного экономического развития. В трудах неоклассиков принимаются слишком упрощающие допущения по существу ради алгебраических выкладок, приводящих к эффектным и, главное, хорошо интерпретируемым результатам.

В подтверждение сказанного можно обратиться к самой, пожалуй, известной за последние десятилетия публикации именно в русле неоклассического направления Роберта Лукаса, посвященной моделированию основных факторов экономического развития [5]. Затраты на технологические инновации отнюдь не производны от затрат на человеческий капитал, как это полагается в упомянутой работе. Между ними, как свидетельствуют многочисленные исследования, нет однозначной зависимости

по разным секторам национальной экономики и тем более мировой экономики.

Фактически обходится вниманием в работах представителей неоклассического направления и сама проблема структурных экономических сдвигов. При этом неявно принятая в неоклассических моделях гипотеза о сбалансированном, примерно эквивалентном росте различных секторов оказалась некорректной. На отсутствие так называемого сбалансированного экономического роста впервые было указано еще в давней публикации Уильяма Баумоля, который связывал этот феномен с замедленным технологически обновлением секторов услуг и их избыточной трудоемкостью в условиях рыночной мобильности рабочей силы (так называемая болезнь издержек Баумоля) [6]. Последующий анализ фактических данных подтверждает это заключение [7,8].

В дальнейшем неизбежность неэквивалентной динамики различных рыночных секторов была убедительно объяснена, исходя из следующего, фактически подтвержденного соображения. И в рамках исключительно эндогенной рыночной среды имеет место объективно неравномерное изменение глубины проникновения капитала – капиталоемкости, вызванное технологическими изменениями, по различным секторам. Как следствие, сочетание дифференциации факторных пропорций и капиталоемкости по разным секторам вызывает несбалансированный экономический рост [9].

Впрочем, определенные ожидания возрождения традиционной теории экономического роста возникли в связи с появлением ряда новаторских работ, касающихся проблематики технологических инноваций [10,11,12,13]. Права научного гражданства получила так называемая новая теория эндогенного экономического роста, идейную основу которой по существу представляет знаменитая теоретическая парадигма Йозефа Шумпетера «конструктивная деструкция» [14]. В соответствии с ней долгосрочный рост, достигаемый посредством применения новых технологий, выступает эндогенным рыночным феноменом. И, видимо, наиболее весомым «публичным» достижением в рамках этого теоретического направления стало объяснение существующей глубокой дифференциации в темпах роста экономик разных стран, исходя из степени рыночной адаптации технологического прогресса.

Наверно, можно полагать, что результатом отмеченных научных новаций стало некоторое обновление универсальной теории экономического роста, но не более того. Сохраняется ее прежняя заведомая недостаточность, выражающаяся в игнорировании объективной значимости автономных, притом долгосрочных структурных изменений и взаимосвязей между структурными составляющими экономического развития.

В контексте сказанного стоит обратить внимание на попытки многих исследователей, исходно опираясь на теорию экономического роста,

построить адекватные модели, инкорпорирующие в себя процессы секторных структурных изменений, внешнеэкономических, демографических и климатических перемен, распределения основных видов доходов и капитала. Однако до сих пор признанных научных свершений на этом поприще не достигнуто.

Определенно возникает необходимость адекватного теоретического видения проблемы неравномерного роста рыночных секторов, в том числе глобальных, несовместимого с универсальной (именно универсальной!) парадигмой рыночной экономической динамики. В этой связи хотелось бы солидаризироваться с позицией известного исследователя Дарона Асемоглу о востребованности единой теории экономической динамики и структурных изменений [15. Р. 907–911].

Наконец, нельзя не обратить внимание на новое понимание «загадки» экономического развития через призму современной институциональной теории. В соответствии с ней институциональные новации, что подтверждает разнообразный страноведческий эмпирический анализ, выступают исходными причинами преобразования рыночной среды, в конечном счете, предопределяя экономическую динамику. Вместе с тем изолированное исследование процессов институциональных изменений, как показало время, приносит ограниченное приращение знаний и не позволяет ответить на корневой вопрос, почему и как реально происходит смена траектории экономического развития в конкретных странах, регионах, секторах и т.д. Для этого, по-видимому, требуется целостное пространственно-временное позиционирование институциональных перемен в неразрывной связи с тенденциями ресурсных сдвигов, инновационными процессами, движением капитала в его основных формах и распределением доходов.

Экономическое развитие как трансформация: концептуальное видение

Можно утверждать без всякого преувеличения, что признанные и апробированные практикой модели современного экономического развития характеризуются явной структурной доминантой. По сути дела их объектом исследования выступают сложные структурные динамические ряды, фиксирующие изменения технологий, институтов, организаций и многообразных ресурсных переменных. По этой причине вполне логичным выглядит обращение к трансформационной парадигме экономического развития. Суть ее заключается в раскрытии феномена экономического развития через призму взаимосвязанных трансформационных процессов, представляющих собой долгосрочные изменения в экономических структурах в пространстве и времени.

В то же время наблюдается отсутствие научного консенсуса в отношении самого основополагающего подхода к изучению феномена экономической трансформации. В работах современных исследователей по этой проблематике используются принципиально разные подходы.

Уместно констатировать, что до сих пор в экономической литературе главное внимание уделяется проблеме коренных институциональных переломов в виде Великих трансформаций¹. Наиболее глубоко, по широко распространенному мнению, эта тема раскрыта в фундаментальном труде Яноша Корнаи, посвященного развитию бывшей социалистической системы и обобщению опыта смены бывшего социалистического строя в европейских странах [21].

Очень существенно и то, что до недавнего времени в исследованиях коренных институциональных трансформаций основной упор делался на анализе трансформации отношений собственности, притом в плоскости приватизационного процесса. По существу идеологической основой такого рода исследований выступала известная концепция транзитивной экономики или экономики переходного периода, представленная в работах большого числа исследователей, в их числе российских.

В основе указанной транзитивной концепции лежит допущение о возможности успешной имплантации желаемых институциональных образцов извне национальной экономической системы. Для этого предполагалось использование фактически революционных методов преобразования отношений собственности и других основополагающих социальных институтов (т.н. шокотерапии).

Эти преобразования предусматривали переход к «заданным» институциональным образцам развитой западной, а точнее, капиталистической экономики англо-американского типа. Однако реально такой результат не был достигнут, и последствия этой попытки оказались разрушительными². Реалии постсоветского мира отвергали концепцию транзитивной экономики, толкали к реализации консервативной модели, препятствовали созданию механизмов модернизации. Провал сторонников концепции переходного периода был обусловлен тем, что они фактически игнорировали объективную сложность коренных экономических преобразований в рамках социальных систем, возникших в ходе революционной ломки предшествующих общественных отношений³. Как свидетельствуют результаты рыночных реформ на постсоветском пространстве, представление о возможности быстрого полномасштабного и достаточно гармоничного установления либеральных

¹ Тематика корневых институциональных трансформаций подробно освещена в западной экономической литературе, в частности, в относительно недавних публикациях [16,17]. Уместно выделить и известные работы А. Кошанова, Ю. Ольсевича и Ю. Осипова, касающиеся проблем постсоциалистической системной трансформации [18,19,20].

² Применительно к России этот вопрос рассмотрен в монографии автора [22. С. 29–51].

³ Односторонность концепции переходного периода емко раскрыта в резонансной статье В. Ядова [23].

экономических институтов в качестве абсолютно доминирующих утопично. Это не означает, что следует в принципе отрицать потребность в экономической либерализации. Такая потребность будет вероятно возникать снова и снова на последующих стадиях развития, поскольку процесс трансформации определенной национальной экономики всегда является одновременно и непрерывным, и незавершенным.

Практическая неприменимость рассмотренной транзитологической концепции давно стала понятной. Вполне объяснимо в этой связи появление концептуальной вербальной модели «переходных» институтов, принадлежащей Джозефу Стиглицу [24]. Однако остается неясным, в какие институты в будущем превращаются «переходные» институты. Так, по мнению того же Стиглица, институты современной капиталистической экономики нуждаются в коренном реформировании и явно не могут выступать в качестве желаемых институциональных образцов [25].

На наш взгляд, плодотворна иная исследовательская парадигма, заключающаяся в трактовке феномена экономического развития как непрерывного и универсального процесса трансформационных изменений. При такой посылке коренная транзитивная трансформация экономических институтов выступает важнейшим, но только частным процессом в рамках трансформации на национальном и международном уровнях.

Экономическая трансформация как целостный универсальный процесс вбирает в себя основные типы структурных сдвигов — технологических, ресурсных, организационно-поведенческих и институциональных — в их взаимосвязи друг с другом. Соответственно, результаты трансформации выступают последствиями всех этих структурных сдвигов.

Идея развития как трансформации, конечно, не нова. Она в полной мере соответствует императиву структурного разнообразия и реалистичному позитивистскому мировоззрению, предполагающему отказ от поиска единственного или одного главного демиурга развития.

Как уже отмечалось, проблема структурных пропорций и структурных преобразований, тем более в страноведческом аспекте, просто не рассматривается в неоклассической теории. В соответствии с неоклассическими представлениями фундаментальные структурные (секторные) изменения выступают просто следствием принятых решений потребителей, предпринимателей и других экономических субъектов, исходя из их долгосрочных и относительно рациональных предпочтений и ожиданий. А значит, в условиях устойчиво воспроизводимого равновесия структурные трансформации главным образом происходят в ходе саморегулирования/саморазвития отдельных рынков.

Однако в реальной действительности сбалансированной, примерно эквивалентной по разным секторам экономической динамики не наблюдается и желаемые структурные изменения в рамках экономической системы не достигаются посредством «естественного» действия рыночных

сил, в первую очередь механизмов межсекторного и межрегионального перелива капитала. И в решающей мере вследствие имманентных институциональных несовершенств современной рыночной экономики: слабой гибкости цен на многих рынках, жесткости ставок заработной платы в сложившихся секторах, заведомой неполноте рынка капитала при асимметрии превалирующих в его рамках информационных потоков, влиянии на спрос весомых побочных эффектов, не отражаемыми рыночными индикаторами. При этом структурные ограничения экономических изменений, обусловленные институциональными несовершенствами, существенно различаются по разным секторам. Именно из таких реалий исходит так называемое новое кейнсианство [26].

Исходная посылка представляемой теоретической трансформационной концепции заключается в перманентном изменении производственных, личных и общественных потребностей/предпочтений, исходя из реально возникающих новых экономических, социальных (внерыночных) и технологических возможностей. Эти потребности, в частности обусловленные императивами устойчивого развития общества, в свою очередь предопределяют структурный/мультисекторный вектор будущего потенциального выпуска как объективного ориентира долгосрочного экономического развития. Именно в его направлении при обеспечении необходимых условий могут происходить желаемые долговременные трансформационные преобразования.

Из сказанного, конечно, не следует целесообразность возврата к традиционному планированию уровня и структуры экономического выпуска на долгосрочную перспективу. Вполне понятно нужно принимать в расчет сильную неопределенность основных трансформационных процессов, особенно в настоящий посткризисный период десятых годов. Возможна исключительно приближенная перспективная оценка потенциального структурного вектора развития экономической системы, выступающего в качестве исходного «задающего» индикатора.

На национальном уровне достижение желаемых ориентиров структурных перемен предполагает активную роль в этом процессе государства и других субъектов общественной регуляции, позволяющая преодолеть ограниченность и не самодостаточность существующих «чистых» рыночных механизмов, в том числе механизма движения/перелива капитала. При этом не вызывает сомнений необходимость достижения общественного консенсуса, в первую очередь между государством, коммерческим бизнесом и социальным предпринимательством, в отношении форм и направлений структурного реформирования¹. Впрочем, вопрос о степени

¹ Уместно отметить успешную практику выполнения индикативного пятилетнего национального плана, основанного на консенсусе основных общественных сил и притом непосредственно на трансформационной концепции развития, в Малайзии [27]. Также нельзя не обратить внимания на позитивные результаты разработки долгосрочной стратегии устойчивого развития Германии с участием широкого числа негосударственных независимых организаций, формирующих гражданский консенсус [28].

глубины государственного и в целом общественного участия в долговременных трансформационных процессах остается в полной мере дискуссионным.

По всей видимости, наиболее распространенное возражение в отношении правомерности трансформационной концептуальной парадигмы сводится к утверждению о том, что структурные сдвиги представляют собой средство, а не результат экономического развития. Это определенно ошибочное мнение, выражающееся в упрощенном понимании извечной дилеммы «курица или яйцо».

Как было показано еще в работах Василия Леонтьева, рассматриваемые во взаимосвязи друг с другом структурные сдвиги в экономической системе адекватно отражают результаты ее функционирования [29]. Для обоснования данного тезиса также вполне уместным представляется обращение к междисциплинарной теории структуризации Энтони Гидденса, центральное место в которой занимает представление феномена дуальности социальной структуры [30]. Как следует из этой теории, социальные и, в частности, экономические структуры, отличающиеся свойством дуальности, опосредуют процессы трансформационных сдвигов и одновременно являются их результатами.

Уместно отметить, что на основе результатов трансформационных перемен могут быть непосредственно оценены признанные макроиндикаторы состояния национальной экономики, апробированные в страноведческих исследованиях и при международных сопоставлениях. Решающее значение имеют две группы индикаторов, рассчитываемые относительно конкретного периода трансформации (часто ограничиваемого 5–7-летним сроком). Первая из них включает в себя индикаторы реальных доходов, продолжительности жизни, уровня образования, состояния окружающей среды, распределения культурных ценностей в виде общественных благ и другие индикаторы удовлетворения личных и общественных потребностей. Вторую группу представляют известные индикаторы экономического развития. Среди них, в свою очередь, следует выделить индикаторы общеэкономической динамики (изменения ВВП и других макроагрегатов), инноваций в передовые научные знания, человеческий и социальный капитал, собственно технологических инноваций и инвестиций в постиндустриальный сектор.

Обозначенный подход – хотелось бы акцентировать внимание на этом обстоятельстве – ни в коей мере не противоречит широко признанной на международном уровне позиции в пользу всеобъемлющей интеграции различных измерителей экономического и социального прогресса современных стран [31,32]. Синтетические индикаторы социального благополучия, в том числе качества жизни, также могут быть оценены, исходя из результатов экономической и общесоциальной трансформаций.

Основные детерминанты экономической трансформации

Как известно, результаты экономической деятельности в их ресурсном выражении зависят от эффективности функционирования существующих институтов. Ее принято оценивать через индикаторы качества институтов.

Как показывают многие страноведческие статистические исследования, определенно наблюдается позитивная корреляция между динамикой экономического роста и индикаторами, измеряющими качество институтов. Не менее важно то, что функционирование действующих институтов предопределяет важнейшие будущие результаты экономической трансформации с точки зрения распределения богатства, физического и человеческого капитала. Как следствие, долгосрочный экономический прогресс оказывается выше в странах, где укоренились надежные и эффективные контрактные институты, обеспечивается протекция различных прав собственности и в целом успешно осуществляется принуждение к выполнению законов.

Вместе с тем сформулированное заключение не следует абсолютизировать, имея в виду феномен несовершенства — институциональной неполноты современных рынков и неразрывно связанный с ним феномен воспроизводства побочных экономических эффектов. Эти эффекты вызывают существенные перемены состояния тех или иных рыночных сегментов, хотя действующие здесь институты, в частности, ценообразования, остаются неизменными. Так, например, перемены в порядке банковского регулирования, как правило, влекут за собой изменения условий кредитования производителей в реальных секторах национальной экономики, что в свою очередь неизбежно сказывается на размерах и структуре потребительского спроса при сохранении в основном стабильными потребительских цен.

Наряду с этим в расчет требуется принимать во внимание влияние воспроизводства внесистемных побочных эффектов, не отражаемых через изменения собственно экономических институтов на отдельные элементы экономической системы и на всю систему в целом. Эти эффекты постоянно индуцируются происходящими институциональными трансформациями за границами экономического поля. Так, в соответствии с современными теоретическими представлениями, мощное внешнее воздействие на распределение экономических ресурсов оказывает формирование политической ренты или политического капитала, как, впрочем, и перемены в статусной структуре.

В ходе трансформации экономической системы может происходить как интернализация побочных эффектов, так и возникновение новых эффектов такого рода. Как показывает современная рыночная практика, возможности интернализации на основе развития институтов контрактации

достаточно ограничены. Об этом свидетельствует хотя бы, судя по опыту трансформации постсоциалистических стран, известный феномен, который может быть назван парадоксом либерализации. Суть его заключается в том, что институциональная либерализация на рынках, отличающихся несовершенной конкуренцией и присутствием могущественных распределительных коалиций, приводит к результатам двоякого рода. С одной стороны, либерализация устраняет отклоняющее воздействие, обусловленное ранее действовавшими регулируемыми регламентациями, на состояние рыночного равновесия. С другой стороны, имплантированные формальные либеральные институты во взаимодействии с сохраняющимися неформальными и совсем нелиберальными институтами, в частности на теневых и серых рынках, индуцируют усиление прежних побочных эффектов. А они в свою очередь влекут расширение неблагоприятных перераспределительных процессов и ухудшение эффективности деятельности независимых рыночных агентов, прежде всего, судя по критерию конкурентоспособности. До Парето-эффективного равновесного состояния оказывается очень далеко!

Тем более незначительны пределы интернализации в результате трансформационных процессов неэкономических побочных эффектов. Принцип контрактации, означающий обязательность возмещения причиненного ущерба или компенсации принесенной выгоды, прямо не применим к внешним эффектам, обусловленным многими неэкономическими и особенно политическими факторами. Полная интернализация большинства этих эффектов в принципе недостижима в силу объективной независимости разных институциональных полей. Убедительным примером является постоянное воспроизводство побочного эффекта, проявляющегося в высокой оплате (конечно, не официальной) услуг парламентских лоббистов за их деятельность, исходя из интересов определенных корпоративных групп.

Таким образом, трансформация в целом экономической системы опосредствуется через взаимодействие разно порядковых институциональных трансформаций, экономических и неэкономических. Такое разнообразие динамических процессов объективно отражает сложную многогранную картину развития современного экономического мира.

Вместе с тем нужно принимать в расчет, что ресурсные, да и организационные сдвиги определенного рода выступают относительно автономными пространственно-временными процессами. В конкретном пространственно-временном разрезе они могут не сопровождаться существенными институциональными переменами.

Так, общеизвестен феномен инерционного роста различных рынков, происходящий при неизменных институциональных условиях и, в первую очередь, связанный с действием механизма потребительского мультипликатора. Именно этот феномен описывают хрестоматийные

эконометрические макромоделли, вполне укладывающиеся в лоно как кейнсианской, так и неоклассической теорий.

Как известно, экономической деятельности имманентно присущ феномен инерции, проявляющийся повсюду в реальных практиках. Экономическая инерционность/консервативность явственно выражается в постоянстве сложившихся рынков, в стабильной структуре выпуска и цен, устойчивости организационной структуры предприятий. По сути дела имеет место процесс в основном однонаправленных и близких к равномерным ресурсных изменений, происходящих как бы при неизменных, первоначально сложившихся институциональных, технологических и других не институциональных условиях. Вопреки обиходной распространенной позиции, его нерезонно противопоставлять трансформационному процессу развития и правомерно трактовать как одну из составляющих экономической трансформации в рамках их очень широкого спектра.

Определенно на сложившиеся тенденции инерционных изменений в сторону усиления или, наоборот, ослабления существенно влияют сугубо конъюнктурные, не трансформационные факторы динамики внутренних и внешних рынков. Как, например, факторы ценовых колебаний на нефть и другие энергоресурсы. Существенное воздействие на инерционный тренд оказывает и стабилизационная политика, ориентированная на регулирование рыночной конъюнктуры.

Кроме того, как следует из эмпирических исследований, в немалой мере инерционный тренд оказывается обусловлен эффектом масштаба многомерной национальной экономики, до сих пор выступающим в качестве сравнительного преимущества на некоторых внутренних и международных региональных рынках. Через действие инерционных рыночных факторов проявляются и ранее сложившиеся внеэкономические преимущества («фактор силы») одних стран над другими.

Принципиальное значение имеет степень инерционности развития национальной экономики. Продолжительное превалирование инерционного тренда сопряжено с ослаблением структурных сдвигов и, соответственно, со слабой интенсивностью институциональных и технологических сдвигов. Общеизвестный пример такого рода коллизии — экономическая стагнация бывшего СССР в период эрозии социализма на рубеже 1970—1980 гг.

Впрочем, определенный инерционный тренд рано или поздно всегда исчерпывается. В рамках долгосрочного горизонта времени количественные ресурсные или организационные сдвиги в современных экономических условиях неизбежно приводят к действительно качественным переменам. Они утверждают себя в существенных институциональных подвижках, в их числе корневых. И начинается формирование новых тенденций структурных изменений, которые могут быть в сильной мере

инерционными или, наоборот, резко волатильными, как, в частности, в ходе развития бывшей советской экономики в период «перестройки».

Следовательно, можно сделать важное заключение: институциональные изменения представляют собой неотъемлемые импульсы экономической трансформации, на которые объективно накладываются эффекты действия сугубо инерционных сдвигов и рыночных конъюнктурных факторов.

Принципиально важно, что в отношении разных типов национальных экономик наблюдается водораздел в характере институционального трансформационного процесса в пространстве и времени.

Динамичные институциональные перемены объективно присущи экономикам развивающихся, постразвивающихся и постсоциалистических стран. Судя по конкретным событиям настоящего времени, фундаментальные перемены экономического курса, затрагивающие все институциональное устройство, в большинстве этих стран происходят с периодической частотой. Они выступают – вполне резонно полагать – как бы продолжением Великих трансформаций, о которых впервые написал Карл Полаanyi [33]¹.

Феномен экономической трансформации как процесса развития также проявляется и в странах, которые принято считать традиционно капиталистическими. Представление о том, что их развитие отличают исключительно микроскопические институциональные новации без фундаментальных, затрагивающих корневые институты трансформационных переходов, определенно можно назвать апологетическим. Как известно, последний мировой кризис 2007–2008 гг. со всей наглядностью продемонстрировал уязвимость экономик современных западных стран перед лицом хронической неустойчивости мирового финансового рынка. Их проявление в форме кризисных пертурбаций фактически было обусловлено блокировкой давно востребованных, хотя бы частичных институциональных реформ фондового и денежного рынков.

Впрочем, было бы неправомерно впасть в крайность традиционного институционализма. Институты не предопределяют все и вся в экономических системах. Импульсы к перемене их состояния вызываются изменениями и вне основных институциональных порядков. Иначе говоря, институциональные новации в любой экономической системе дополняются изменениями, в той или иной мере не институционализируемыми.

Так, общепризнана ключевая роль технологических инноваций (нововведений) как фактора, инициирующего, в конечном счете, масштабные

---

¹ Хрестоматийным примером системного трансформационного перехода является «большой толчок» (big-push) по Розенштейн-Родану [34] в рамках экономик развивающихся стран. Стоит отметить, что ранее отечественным ученым Ф. Михалевским выдвигалась во многом сходная идея антиципационного маневра применительно к условиям индустриализировавшейся советской экономики [35. С. 19–32].

структурные перемены. Главный результат инноваций заключается в перемене технологий и в первую очередь технологических производственных способов, на которых зиждется производительный потенциал общества. Именно технологические новации представляют собой имманентный атрибут трансформаций такого рода при всем их видовом разнообразии. Наряду с технологическими инновациями, революционными, рутинными и прочими, в современном социуме особенно велика роль инноваций и сопутствующих инвестиций в человеческий капитал. Они обеспечивают распространение новых научных и практических знаний.

Технологическое поле является относительно автономным от основных институциональных полей социальных действий (экономического, политического и др.), поскольку деятельность по созданию и распространению новых технологий принципиально отличается от обычных социальных практик. В технологическом процессе первостепенна роль инноватора – творца. Решающая роль в осуществлении технологических прорывов принадлежит самому творческому, не поддающемуся полной институционализации инновационному процессу.

О неправомоности прямого инкорпорирования технологической деятельности в обычные социальные практики очень убедительно высказался Мануэль Кастельс: «Конечно, технологии не предопределяют развитие общества. Но и общество не предписывает курс технологических изменений, ибо в процесс научных открытий, технологических инноваций и их социальных применений вписываются многие факторы, включая индивидуальную изобретательность и предпринимательский дух, так что конечный результат зависит от сложной структуры их взаимодействий» [35. С. 29].

В рамках самого технологического поля фундаментальный принцип ограниченности ресурсов имеет весьма ограниченное применение. В первую очередь это проявляется в том, что на инновационных рынках не действует традиционный механизм установления цен рыночного равновесия, а доминируют так называемые «поисковые» цены.

Следует принимать в расчет и то, что далеко не все созданные технологии воплощаются в инновациях, тем более рыночных. Воздействие технологической деятельности на экономическую неизбежно сопряжено с институциональными и ресурсными ограничениями.

Результатом собственно технологической трансформации выступает применение и распространение новых технологий в форме инноваций. В наибольшей мере он проявляется в изменении технологических способов производства и потребления материальных продуктов и нематериальных услуг и самого человеческого капитала. В свою очередь такого рода перемены инициируют ресурсные, организационно-поведенческие и, главное, институциональные структурные сдвиги. Особенно явственно

это проявляется в отношении институтов, действующих в венчурном рыночном секторе.

Таким образом, составной частью трансформации экономической системы выступает технологическая модернизация, выражающаяся в определенных институциональных, ресурсных и организационных сдвигах. В то же время с общесистемных позиций этот процесс правомерно трактовать как отображение технологической трансформации на экономическое поле деятельности.

Принципиально важно, что в процессе трансформационных перемен диффузия инноваций может быть сопряжена с весомым позитивным побочным эффектом. Он заключается в попутном, как бы «бесплатном» создании новых научных и технических заделов для экономических агентов, непосредственно использующих соответствующие инновации, для участников инновационных кластеров, целых секторов национальной экономики и всего общества.

Очевидно фундаментальное сходство инновационной технологической деятельности и социальной предпринимательской деятельности. Их объединяет ориентация на достижение наилучшего конечного потребительского/пользовательского эффекта от своей деятельности. И вполне объяснимо внедренческие фирмы в большинстве развитых стран имеют статус неприбыльных организаций, то есть фактически социальных предпринимателей.

Также в качестве исходных импульсов трансформационных системных сдвигов выступают изначально не институционализируемые процессы долгосрочных перемен, помимо технологических.

Так, существенные сдвиги в структурах экономик практически всех стран происходили и происходят непосредственно под влиянием демографической динамики. Как известно, разразившийся в 1990 гг. в России демографический кризис обусловил резкое сокращение занятых в ряде отраслей экономики, особенно в сельском хозяйстве, и в целом дефицит рабочей силы на длительную перспективу. Столь же негативное влияние на экономическое развитие может оказать диаметрально противоположная тенденция резкого роста населения. К сожалению, произошедшие в последнее время демографические взрывы оказались сопряжены с усилением бедности и экономическим регрессом, как это до сих пор наблюдается в ряде арабских стран.

Грандиозным оказалось и как бы косвенное влияние демографических процессов на результаты трансформации самых разных национальных экономик. Речь идет в первую очередь об огромной, превысившей 3% долю от всего населения планеты, мировой миграции, исходно инициированной демографическими изменениями. Во многих странах наблюдается избыточный приток мигрантов относительно потребностей

национальной экономики с учетом сильного замедления экономической глобализации.

Вместе с тем следует признать весомость воздействия государственной политики, причем институционально реформаторского характера, на демографическую динамику. В частности, стимулирование сокращения или, наоборот, повышения рождаемости в Индии, Китае и в последнее время в России принесло очень значимые результаты, повлиявшие на экономическое развитие этих стран.

Очень существенное воздействие, хотя и до сих пор недооцениваемое, на экономическую трансформацию в современном мире оказывает и изменение климата. Так, непосредственным последствием ухудшения климата стало сокращение производства традиционных сельскохозяйственных культур во многих странах, влекущее за собой фундаментальные изменения в характере дальнейшей трансформации экономической структуры. В качестве примера уместно упомянуть о падении производства зерна в нашей стране именно вследствие неблагоприятных погодных условий в 2009 и 2010 гг. — соответственно на 43 и 33%.

Нельзя игнорировать и то обстоятельство, что число так называемых метеозависимых людей увеличивается с астрономической быстротой. В результате происходит качественное ухудшение состояния человеческого капитала, выступающее весомым лимитирующим фактором дальнейшего экономического прогресса.

Все большие обороты набирает и экологическая миграция. В ближайшей перспективе, по оценкам авторитетных экспертов, она может достигнуть миллиарда человек, что будет сопряжено с кардинальной трансформацией мировой структуры занятости.

В то же время можно констатировать состоявшуюся за последние десятилетия институционализацию климатической политики в развитых странах мира. Такой качественный сдвиг определенно имел место в существенной мере вследствие распространения мировоззренческой концепции устойчивого развития общества после эпохальной конференции в Рио в 1992 году.

Корректирующее влияние на климатические изменения государственной политики (не касаясь оценки степени ее позитивности) воочью обнаруживает себя в ряде стран. Достаточно упомянуть о нынешней практике использования метеоружия для стабилизации погодных условий.

Трансформация экономической системы: теоретическая основа исследования

Исходный императив заключается в целостном исследовании процесса экономической трансформации, предполагающем выявление значимых взаимосвязей между его различными структурными составляющими.

Это становится достижимым в рамках определенной системы, главным свойством которой выступает сохранение целостности в ходе взаимодействия ее отдельных частей.

В принципе понятие экономической системы допускает многовариантную интерпретацию. Тем не менее, по нашему представлению, нельзя не принимать во внимание следующее лимитирующее обстоятельство: полноценное представление внутрисистемных и внесистемных трансформационных сдвигов в отношении локальных, региональных и отраслевых экономических систем крайне затруднительно, исходя из признанных научных знаний¹. По этой причине внутрисистемные и внесистемные эффекты трансформационных изменений рассматриваются нами только в отношении макроэкономических систем. При таком подходе, следуя давно признанной исследовательской парадигме, на системном уровне целесообразно разделить экономических процессов на микро, мезо и макро, а также эндогенные и экзогенные в отношении рыночных пространств.

В русле развиваемого подхода логичным представляется концептуальное представление феномена экономической трансформации, опираясь на теорию трансформации социальных систем. Ее исходную идейную основу составляют теоретическая концепция структурной социально-культурной динамики Питирима Сорокина и новаторские идеи Карла Полаanyi, содержащиеся в его книге «Великая трансформация» [37,33]. Необходимо принимать во внимание и дальнейшие научные новации в области теории социальных систем, в первую очередь представленные в фундаментальных трудах Толкотта Парсонса, Никласа Лумана и Энтони Гидденса [38,39,40,41]. В русле междисциплинарной трансформационной парадигмы представляется плодотворным и осмысление вечной проблемы причинно-следственной связи между развитием экономики и общества, опираясь на теоретическое наследие Вильфредо Парето и Макса Вебера [42,43,44] и работы их последователей².

В соответствии с упомянутой теорией целесообразно позиционирование во времени и пространстве траектории развития конкретной социальной системы, в частности, экономической. Оно становится достижимым путем непосредственного представления процесса трансформации

¹ Целостный охват всех известных типов экономических систем – локальных, региональных, секторных, национальных, мультирегиональных, глобальной – в будущем выглядит вполне достижимым в случае интеграции очень дифференцированных знаний с помощью методов моделирования (кодирования) информации. Правда, для этого потребуются операционное представление целого ряда очень значимых межсистемных процессов на основе научного консенсуса. Как, например, влияния динамики социального капитала на рыночную деятельность.

² Следует упомянуть оригинальную концепцию социоэкономики Амитаи Этzioni [45], в которой по существу обоснована современная идеология корпоративной социальной ответственности бизнеса. Главный прагматический вывод Этzioni: недостаточно социальной благотворительности, необходимо широкое участие бизнеса в обеспечении благоприятных социальных условий экономического развития.

системы, с учетом ее структурных составляющих, из исходного пространственно-временного состояния в качественно иное, интерпретируемое как результирующее.

Исходное состояние экономической системы отражают разнородные факторы. В частности, очень весомы так называемые «устойчивые» переменные – состав населения и географическое положение конкретной страны, в первую очередь проявляющееся в ее региональной производственной структуре¹.

Но, конечно, главное значение имеют результаты трансформации состояния экономической системы в виде основных качественных и количественных структурных сдвигов в реальных пространственно-временных координатах. В случае их идентификации становится возможным позиционирование фактических траекторий экономической трансформации именно как системного процесса.

Принципиально важно, что долговременные экономические трансформационные сдвиги проявляются в изменении состояния в целом социальной системы, вбирающей в себя экономику как подсистему. Поэтому об успешности трансформации экономической системы конкретной страны правомерно судить, в значительной степени исходя из неэкономических ценностных критериев, в частности, изменения качества жизни и геополитического положения страны.

В то же время бесспорно и то, что трансформационные экономические сдвиги наиболее явственно проявляются через изменения состояния основных рынков. В их числе рынков капитала, инноваций, труда, потребительских товаров и услуг. Тем самым адекватное объяснение причин основных рыночных трансформаций выступает непреложным условием плодотворного исследования трансформации всей макроэкономической системы.

Фундаментальный вопрос касается взаимосвязи между микро-, мезо- и макротрансформациями в экономической системе. При определении эмерджентного системного эффекта экономических трансформаций следует исходить как из их многообразия и относительной автономности, так и взаимной обусловленности. С системных позиций однозначно неправомерно допущение о возможности разложения макротрансформаций на отдельные простые составляющие в виде мезотрансформаций, а затем и микротрансформаций. Главная причина тому вполне понятна – взаимодействие микроэкономических трансформаций порождает качественно новые эффекты, проявляющиеся в дополнительных экономических сдвигах на более высоких уровнях системной иерархии. Так, в частности, взаимодействие трансформаций «соседних» локальных, местных экономик

¹ В частности, применительно к определенной национальной экономической системе в качестве исходных параметров выступают и «скрытые сокровища» в форме овеществленных ресурсов и человеческого капитала [46. С. 180–185].

нередко вызывает системный эмерджентный эффект на уровне всей национальной экономики.

Здравый смысл и практический опыт указывают на неправомерность упрощенной холистической трактовки системного трансформационного процесса. Системный, более точно – макросистемный, социалистический тоталитаризм в духе приснопамятной коммунистической идеологии потерпел фиаско – таков вердикт истории. Нельзя не принимать в расчет объективную весомость огромного числа сугубо микро- или мезоэкономических трансформационных процессов. По отдельности они не проявляются на макроуровне, но в то же время в совокупности влияют на состояние всей экономической системы.

В этой связи не вполне адекватным для исследования закономерностей экономической трансформации представляется и известный универсальный подход, непосредственно базирующийся на общей теории систем. Он не позволяет, судя по до сих пор выполненным конкретным исследованиям, представить сбалансированное и одновременно принципиально дифференцированное видение микро- и макроаспектов исследования экономической трансформации.

В то же время императив структурного разнообразия обуславливает целесообразность обращения для исследования закономерностей экономических системных трансформаций к современной институциональной теории. В соответствии с этой теорией взаимодействия субъектов (акторов) адекватно отражаются через их деятельность на самых разных полях социальных действий, где происходит движение ресурсов и установлены определенные правила – то есть институты [47]. Они выступают как ограничения социальных действий в самом широком их понимании.

В то же время акторы оказывают существенное воздействие на сами институты, приводящее рано или поздно к их модификации или замене на новые. В этой связи плодотворному исследованию современных трансформационных процессов способствует переосмысление в русле современного институционализма прежних неоклассических представлений о степени рациональности решений рыночных (в том числе представляющих крупные корпорации) и социальных предпринимателей, принимая во внимание разную направленность их интересов и возможность оппортунистического поведения.

Принципиально важно, что институциональная сегментация экономической деятельности позволяет представить реальный характер взаимосвязи между различными трансформационными процессами. По существу любые значимые ресурсные и организационные сдвиги происходят в рамках определенных сегментов экономической системы, где действуют конкретные институциональные порядки. Тем самым трансформационные сдвиги этих видов приобретают институциональную адресность.

Об экономических реалиях

Несомненно, обсуждаемая теория соответствует признанным представлениям о современной национальной экономике как смешанной экономике, где заглавные равнозначные роли играют частный бизнес и государство вместе с другими субъектами общественной регуляции, и одновременно как мультисекторной рыночной экономике.

Действительно, изменения сложной структуры национальной экономической системы адекватно отражаются через трансформационные сдвиги. Так, интернационализация и корпоративизация экономической жизни, происходящая в последние десятилетия, неизбежно проявляется в перемене всех значимых рыночных структурных пропорций. В частности, сохраняющееся первенствующее положение транснационального корпоративного сектора отражает постоянную тенденцию воспроизводства максимального относительного объема текущих и капитальных потоков, проходящих через этот сектор.

Разумеется, теорию экономической системной трансформации не правомерно интерпретировать как «макрототалитарную», когда представление процессов развития частного и иного бизнеса отодвигается на второй план. Исследование трансформационных процессов призвано в полной мере опираться и на результаты плодотворных мезо- и микроэкономических научных исследований, основанных на анализе конкретных рынков с помощью усовершенствованного методического аппарата. Объектом изучения выступают именно изменения состояния различных секторов экономической системы, характеризующихся специфическими технологическими, институциональными, ресурсными и организационными структурами, в их взаимодействии друг с другом. В частности, это касается исследования структурных взаимодействий в рамках кластеров, где, как давно доказано на практике, достигаются наивысшие конкурентные преимущества на большинстве современных рынков.

Стоит отметить, что сформулированный императив фактически давно апробирован на практике. Особенно в исследованиях региональных экономических трансформаций в различных странах.

Как известно, движущимися осями современной экономики по-прежнему остаются рынки капитала, рынки труда и потребительские рынки. И применительно к ним широко известная гипотеза о «случайной прогулке» (random walk), означающей случайность и непредсказуемость изменения структурных соотношений между основными параметрами состояния рынка, не получила подтверждение. Как показывает эмпирический анализ, в любые периоды времени определенные доминантные тенденции структурных изменений, опосредствующие процесс развития основных рынков, всегда обнаруживают себя. При этом структурная стагнация в течение длительного времени сопряжена, как правило, с кризисным спадом.

Судя по огромному числу эмпирических исследований, единого во времени структурного закона развития рынков, по всей видимости, не существует. Можно констатировать, что структурные рыночные тенденции обычно меняются по достижении определенных качественных рубежей. «Уловить» перемены этих тенденций позволяет обращение к многообразным трансформационным (структурно динамическим) моделям рыночного развития применительно к конкретным временным периодам.

К сказанному уместно добавить, что через призму системного трансформационного процесса вполне ясными выглядят различия между зрелыми рынками западных стран и до недавнего времени так называемыми развивающимися рынками целого ряда стран бывшего Третьего мира и постсоциалистических стран. Первые характеризуются умеренно интенсивными трансформационными сдвигами, не приводящими к кардинальной перемене состояния национальных экономик. В противоположность этому развивающиеся рынки, где существуют новые ниши для привлечения капитала, отличаются высокой трансформационной динамикой, во многих случаях связанной с явно выраженной волатильностью общеэкономической и особенно фондовой конъюнктуры.

Существующий феномен цикличности, а точнее волнообразности экономического развития также может быть интерпретирован как трансформационный, исходя из существующих реалий. Как известно, в условиях действия современных механизмов кредитования, лизинга и привлечения внешних, особенно иностранных инвестиций долговременный цикл воспроизводства физического капитала в большинстве отраслей давно не обнаруживается. При оценке этой метаморфозы также нужно учитывать то, насколько кардинально ускорились процессы технологического обновления вследствие давления рыночного спроса при увеличении доли услуг и уменьшении доли промышленного производства в совокупном выпуске. Огромное значение в современных национальных экономиках имеет и монетарная политика, нейтрализующая инфляцию и одновременно «сглаживающая» фазы повышенной и пониженной рыночной циклической конъюнктуры. В итоге, в целом картина экономического развития в большинстве развитых стран не предстает в виде постоянно сменяющих друг друга фаз кризиса, оживления, подъема и рецессии, как в эпоху классического капитализма.

В то же время не вызывает сомнений присутствие противоположных трендов структурно-регрессивного экономического спада, обычно связанного с кризисными пертурбациями, и структурно-позитивного экономического подъема с учетом постоянных краткосрочных колебаний рыночной конъюнктуры в рамках этих временных периодов. Так, можно считать превалирующей оценкой двух последних глобальных кризисов 1997–1998 и 2007–2008 гг. как структурно-финансовых, произошедших

вследствие перенакопления финансового капитала и неблагоприятных мирохозяйственных сдвигов.

Тем самым правомерной представляется интерпретация современных циклов как волн трансформаций, включающих в себе чередующиеся друг с другом фазы трансформационного подъема и трансформационного спада в ходе развития экономических систем. И переход от восходящей траектории трансформации к нисходящей траектории и, наоборот, может быть объяснен, исходя из всей совокупности многообразных и частично разнонаправленных факторов долговременных структурных сдвигов.

Заметим, сказанное ни в коей мере не ставит под сомнение плодотворность проведенных многолетних исследований в рамках направления, называемого современной теорией (при всей условности употребления данного термина) реального бизнесцикла [48,49,50]. Объектом этих исследований фактически оказались краткосрочные флуктуации деловой активности, занятости, цен и ставок процента относительно потенциального (естественного) уровня, которые могут быть названы краткосрочными гэпами. Они, как следует из результатов эконометрического моделирования, в свою очередь обусловлены в той или иной мере эндогенными текущими, притом заранее не «просчитываемыми» технологическими переменными (прежде всего, влияющими на занятость), ценовыми и налоговыми колебаниями, изменением объема государственных закупок и в целом присутствия на рынке государства, как и сугубо монетарными пертурбациями, особенно вызываемых регуляционными действиями национального банка. Правда, определенных временных закономерностей продолжительности краткосрочных (именно краткосрочных!) макроэкономических флуктуаций циклического характера так и не было выявлено.

Гэпы обозначенного типа в решающей мере обусловлены действием факторов рыночной конъюнктуры, постоянные колебания их величины (в том числе до существенного отрицательного уровня) не сопровождаются значимыми ресурсными и, тем более, фундаментальными технологическими и институциональными сдвигами. Эти показатели рассматриваются в качестве переменных для прогнозирования макроэкономической динамики на ближайшую перспективу и осуществления текущей монетарной политики, носящей антиинфляционную направленность [51].

Интерпретация обозначенного феномена краткосрочного циклического отклонения в русле представляемой теории трансформации экономической системы выглядит достаточно очевидной. По существу такого рода краткосрочный гэп представляет конъюнктурно-колебательную составляющую экономического оборота, а показатель условно эффективного выпуска характеризует масштаб самой долговременной экономической трансформации.

С целью полноты освещения темы нашего исследования, по-видимому, логично обратиться к последующей практике оценки потенциального выпуска и его отклонения-гэпа от фактического уровня.

В данной связи уместно акцентировать внимание на следующем обстоятельстве. Принципиально новые возможности для полновесного эконометрического анализа отклонений экономического выпуска относительно потенциального уровня открылись в связи с практической апробацией новокейнсианской мультисекторной модели динамического стохастического общего равновесия (DSGE) при использовании байесовских методов, в первую очередь, метода вариативно-авторегрессионного (VAR) моделирования¹. В недавно выполненных исследованиях эти потенциальные возможности убедительно продемонстрированы [53,54,55].

Есть все основания выделить сугубо монетаристский подход к определению динамики потенциального выпуска как «естественного» в условиях полностью гибкого изменения цен, уровней заработной платы и процентных ставок [56]. Рассчитываемый, исходя из таких гипотетических условий, гэп «естественного» выпуска относительно фактического оказывается обусловлен как фундаментальными факторами, так и в сильной мере краткосрочными циклическими факторами [57]. Элиминирование данного гэпа по существу означало бы достижение совершенного общерыночного равновесия. Получается, что именно эта цель призвана предопределять оптимальную стабилизационную политику национального банка, предполагающая поддержание уровня базовой процентной ставки в привязке к инфляционной динамике по так называемому правилу Тэйлора в той или иной его модификации [58].

Обозначенный подход, до настоящего времени применяемый в конкретных исследованиях, вызывает серьезную критику [59]. Рыночные эффекты ценовой жесткости (затратной ориентированности) и неэластичности заработной платы фактически сохраняются, по крайней мере, в традиционных нефинансовых секторах. По этой причине естественный выпуск оказывается далеко не равнозначен эффективному, достижимому в реальных условиях. И, как свидетельствуют конкретные факты, преодоление сугубо инфляционно образующего гэпа, особенно за короткие сроки, может быть сопряжено с депрессивными последствиями (незагрузкой мощностей, неполным использованием квалифицированного труда, деактивацией факторов технологического и институционального прогресса).

Принципиально иной содержательный смысл заключается в трактовке гэпа как отклонения фактического выпуска от потенциального при нормальной загрузке производственных мощностей и нормальном состоянии рынков труда, достижимых текущих уровнях технологических инноваций и институциональных улучшений и одновременно приемлемой динамике инфляции и занятости [60]. Только в незначительной мере на величину этого отклонения влияют краткосрочные циклические колебания.

¹ В ряду многочисленных исследований на базе модели DSGE пионерная работа принадлежит Франку Сметцу и Рафу Уотерсу [52].

Для оценки гэпа такого рода, который может быть назван синтетическим, со стороны предложения используется уравнение производственной функции типа Солоу, инкорпорирующее в себя факторы физического и человеческого капитала, занятости и «остаточного» результирующего технологического/институционального прогресса (обычно отражаемого показателем TFP -тотальной факторной производительности). Это уравнение как бы корректирует уравнение со стороны спроса, отражающее взаимосвязь инфляции, динамики заработной платы и безработицы (при дополнительном допущении их некумулятивного роста по типу акселератора) в соответствии с классической или модифицированной кривой Филлипса. Кроме того, в недавно выполненных страноведческих исследованиях апробирован и мультивариантный подход к определению потенциального выпуска, исходя одновременно из оценок влияния факторов спроса и предложения [61,62].

Как известно, много итеративные процедуры оценки указанных синтетических гэпов и соответствующих им потенциальных (эффективных) выпусков достаточно давно апробированы в практике международных организаций (МВФ, ОЭСР, ЕС) и многих национальных банков, в том числе Банка России [63]. Более того, в последнее время именно эти расчетные показатели стали рассматриваться в качестве ключевых параметров как сугубо монетарного регулирования, так и в целом макроэкономической политики и структурного реформирования на ближайшую перспективу [например, 64].

В русле трансформационной теоретической парадигмы проявление феномена рассматриваемого макроэкономического гэпа выглядит вполне понятно. Он распадается на целый ряд гэпов относительно потенциального уровня: загрузки мощностей, производительности, инфляции, безработицы и др. Их преодоление в большинстве случаев невозможно без существенных и притом заведомо не конъюнктурных рыночных перемен в ходе трансформационных процессов.

Феномен трансформационного разрыва (гэпа)

В развитие сказанного логичным выглядит обращение к известному понятию «гэпов», представленному в ранее упомянутой традиционной теории экономического развития, как долговременных ресурсных разрывов относительно желаемых достижимых уровней [65. Р. 159–182]. По существу они представляют собой трансформационные разрывы-гэпы.

Более точно, исходя из нашей предшествующей аргументации, трансформационный разрыв можно определить, как расхождение между потенциальными возможностями удовлетворения потребностей и их фактическим удовлетворением применительно к разнообразным процессам, опосредствующим изменение экономической системы и ее структуры.

Эмерджентный эффект всех этих разрывов выражается в конечном счете в системном трансформационном гэпе.

В русле развиваемого подхода в качестве приблизительного измерителя потенциального удовлетворения потребностей в рамках экономической системы логично использовать показатели будущего секторного потенциального выпуска (не включающего краткосрочную циклическую составляющую выпуска) с учетом реальных и монетарных процессов формирования спроса и предложения при условии их равновесия. Соответственно, результирующий трансформационный разрыв может быть представлен как разница между структурными/мультисекторными векторами будущего потенциального выпуска и текущего фактического выпуска.

В принципе задачи (несомненно, разные) оценки секторных трансформационных гэпов и их разложения на отдельные составляющие, в свою очередь зависящие от инерционных, институциональных, технологических, демографических и климатических факторов, могут быть решены с помощью существующего мощного методического аппарата [60, 61, 62], несмотря на все трудности моделирования на базе конкретных данных. В итоге, становится возможным выявление самой области достижимых будущих трансформационных перемен посредством адекватного представления значимых причинно-следственных связей. На этой основе «просчитываются» долгосрочные экономико-политические решения, прежде всего в части структурных реформ.

С представленной трактовкой трансформационных разрывов сочетается и моделирование так называемого устойчивого (sustainable) выпуска [62, 66], учитывающего наличие макроэкономических дисбалансов. Исследования по этому направлению прямо инициированы нынешней практикой (существующей с 2012 года) оценки и постоянного мониторинга такого рода дисбалансов под эгидой экономической комиссии ЕС.

Правда, на самом деле огромную важность имеют также секторные и региональные дисбалансы, нередко не проявляющиеся на макроуровне. Да и сам термин устойчивый (sustainable) выпуск представляется неудачным, поскольку он подменяет понятие экономического потенциала в соответствии с целями устойчивого развития общества.

И, видимо, уместно констатировать, что проблема наличия и соотношения временных разрывов выступает центральной в теории экономической системной трансформации.

Литература

1. Handbook of development economics. V. 1, 2. / Amsterdam, 1988–1989.
2. *Solow R.* A contribution to the theory of economic growth. Quarterly journal of economics. 1956, v. 70, N. 1. P. 65–94.
3. *Solow R.* Technical Change and the Aggregate Production Function. Review of Economics and Statistics, 1957, v. 39. P. 312–320.
4. *Mankiw G., D. Romer and D. Weil.* A contribution to the Empirics of economic growth. Quarterly journal of economics. 1992, v. 107, No. 2. P. 407–437.

5. *Lucas R.* On a mechanics of economic development. *Journal of Monetary Economics*, 1988, N.3. P. 3–42.
6. *Baumol W.* Macroeconomics of Unbalanced Growth: The Anatomy of Urban Crisis / *American Economic Review* 1967, v.57. P. 415–26.
7. *Baumol W., S. Blackman and E. Wolff.* Unbalanced Growth Revisited: Asymptotic Stagnancy and New Evidence / *American Economic Review*, 1985, v. 75. P. 806–817.
8. *Jorgenson D., Timmer M.* Structural Change in Advanced Nations: A New Set of Stylized Facts / *Scandinavian Journal of Economics*, 2011, v. 113. P. 1–29.
9. *Acemoglu, D., Guerrieri V.* Capital Deepening and Non-Balanced Economic Growth / *Journal of Political Economy*, 2008, v.116. P. 467–498.
10. *Romer P.* Endogenous Technological Change. *Journal of Political Economy*, 1990, v. 98. P. 71–102.
11. *Aghion Ph. and P. Howitt.* A Model of Growth through Creative Destruction / *Econometrica*, 1992, v. 60. P. 323–351.
12. *Grossman G. and E. Helpman.* Quality Ladders in the Theory of Growth / *Review of Economic Studies*, 1991, v. 68. P. 43–61.
13. *Jones C.* R&D-Based Models of Economic Growth / *Journal of Political Economy*, 1995, v. 103. P. 759–784.
14. *Aghion Ph. and Howitt P.W.* What Do We Learn From Schumpeterian Growth Theory? / *Handbook of Economic Growth*. 2014, v. 2. P. 515–563.
15. *Acemoglu D.* Introduction to Modern Economic Growth / Princeton University Press, 2009. P. 907–911.
16. *Blyth M.* Great transformations / Cambridge, 2006.
17. *China's great transformations* / Cambridge, 2008.
18. *Кошанов А.* Экономическая сущность смешанной экономики и трансформация отношений собственности. / *Смешанная экономика: трансформационная модель развития Казахстана* // Алматы, 1997. С. 38–74.
19. *Ольсевич Ю. А.* Трансформация хозяйственных систем / М.: Институт экономики, 1994.
20. *Осипов Ю. М.* Хозяйственная динамика. Трансформация и переходы. Теория хозяйства. Т. 3. / М.: Издание Московского университета, «ТЕИС», 1998.
21. *Корнаи Я.* Социалистическая система: политическая экономия коммунизма / М.: НП «Вопросы экономики», 2000.
22. *Мартынов А. В.* Системная трансформация экономики и общества: Российский выбор / М.: ЛЕНАНД, 2016.
23. *Ядов В.* Россия как трансформирующееся общество / *Общество и экономика*, 1999, № 2. С. 92–99.
24. *Стиглиц Дж.* Куда ведут реформы? / *Вопросы экономики*, 1999, № 7. С. 3–22.
25. Доклад Стиглица. О реформе международной валютно-финансовой системы. Уроки глобального кризиса / М.: Международные отношения, 2010.
26. *Gordon R.* What is New-Keynesian economics? / *Journal of economic literature*, 1990, v. 28, No. 3, p. 1115–1171.
27. ELEMENT MALAYSIA PLAN 2016–2020. <http://www.epu.gov.my>. <https://www.neac.gov.my>.
28. GERMAN SUSTAINABLE DEVELOPMENT STRATEGY 2016. <https://www.deutschenachhaltigkeitsstrategie.de>.
29. *Леонтьев В. В.* Межотраслевая экономика / М., «Экономика», 1997.
30. *Гидденс Э.* Теория структуризации. / *Современная социальная теория*: Бурдьё, Гидденс, Хабермас // Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995.
31. Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла? Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса. М., 2016.
32. OECD. How's Life? Measuring Well-being. OECD Publishing, Paris, 2015.
33. *Поланьи К.* Великая трансформация / СПб.: Алетейя, 2002.
34. *Rosenstein-Rodan P.* Problems of Industrialization of Eastern and Southeastern Europe / *Economic Journal*, 1943, v. 53. P. 202–211.

35. Михалевский Ф.И. К методологии изучения нашего денежного обращения / М.: Изд-во коммунистической академии, 1930.
36. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М.: ГУ-ВШЭ, 2000.
37. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика / СПб.: РХГИ, 2000.
38. Парсонс Т. О социальных системах / М.: Академический Проект, 2002.
39. Луман Н. Теория общества / М.: Канон-Пресс, 1998.
40. Luhmann N. On a reference system. N.Y., 1990.
41. Гидденс Э. Устроение общества. Очерк теории структуризации / М.: Академический Проект, 2003.
42. Pareto V. Mind and society / N.Y., Harcourt Brace, 1935.
43. Парето В. Учебник политической экономии / М.: РИОР: ИНФРА-М, 2016.
44. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. [в 4 т.] / М.: Высшая школа экономики, 2016.
45. Etzioni A. The Moral Dimension: Toward a New Economics / New York, Free Press, 1998.
46. Бальцерович Л. Социализм, капитализм, трансформация / М.: УРАО, Наука, 1999.
47. Powell W. and P. DiMaggio, eds. The New Institutionalism in Organizational Analysis // Chicago, IL, 1991.
48. Kydland F. and E. Prescott. Time-to-build and aggregate fluctuations / *Econometrica*. 1982, 50. P. 1345–1370.
49. Hodrick R.J. and Prescott E. C. Postwar U.S. business cycles: an empirical investigation / *Journal of Money, Credit and Banking*. 1997, 29. P. 1–16.
50. Real business cycles after three decades. *Macroeconomic Dynamics*, 2013, 1. P. 1–21.
51. Woodford M. Interest and Prices: Foundations of a Theory of Monetary Policy / N.Y., 2003.
52. Smets F. and R. Wouters. An Estimated Dynamic Stochastic General Equilibrium Model of the Euro Area / *Journal of the European Economic Association*, 2003, 1(5). P. 1123–1175.
53. Kiley M. Output Gaps. *Journal of Macroeconomics* 2013, 37 ©. P. 1–18.
54. Fueki T. and I. Fukunaga, H. Ichiue and T. Shirota. Measuring Potential Growth with an Estimated DSGE Model of Japan's Economy / *International Journal of Central Banking*. 2016, March. P. 1–32.
55. Крещев Д., Селезнев С. DSGE-модели российской экономики с малым количеством уравнений / Серия докладов об экономических исследованиях, 2016, № 12. С. 3–54.
56. Edge, R., M. T. Kiley, and J. P. Laforte. Natural Rate Measures in an Estimated DSGE Model of the U. S. Economy. 2008 / *Journal of Economic Dynamics and Control*, 32. P. 3–31.
57. Roemberg, J. and M. Woodford. The Cyclical Behaviour of Prices and Costs. In *Handbook of Macroeconomics*, 1999. P. 116–192.
58. Christiano, L., M. Trabandt, and K. Walentin. DSGE Models for Monetary Policy Analysis / In *Handbook of Monetary Economics*, 2010, Vol. 3. P. 285–367.
59. Deutsche Bundesbank. On the reliability of international organization's estimates of the output gap. *Monthly Report*, 2014, Volume 66, No 4.
60. Havik et al. The production function methodology for calculating potential growth rates & output gaps. *EC Economic Papers*, 2014, No. 535.
61. Blagrove et al. A Simple Multivariate Filter for Estimating Potential Output. *IMF Working Paper 15/79*, International Monetary Fund, Wash., 2015.
62. International Monetary Fund (IMF). Where Are We Headed? Perspective on Potential Output. In *World Economic Outlook*, 2015, April, Chapter 3, p. 69–110.
63. Синяков А., Ройтман А., Селезнев С. Динамика потенциального ВВП России после нефтяного шока: роль сильного изменения относительных цен и структурных жесткостей // Серия докладов об экономических исследованиях, 2014, № 6. С. 3–39.
64. International Monetary Fund (IMF). Global Prospects and Policies. In *World Economic Outlook*, 2017, April, chapter 1, p. 3–64.
65. Taylor L. Income distribution, inflation and growth / Cambridge, 1991.
66. Alberola E., Estrada Á. and D. Santabárbara. Growth and imbalances in Spain: a reassessment of the output gap / *Journal of Spanish economic association*, 2014, No. 5.